

ДИСКУРСИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СТИЛЯ

Ключевые слова: стиль, текст, тип текста, дискурс, дискурсивное пространство, дискурсивная практика, стилистический маркер, функциональный стиль, письменная и устная речь, индивидуальный стиль.

В статье рассматриваются параметры стиля, позволяющие говорить о дискурсивной природе этого феномена языка и речи. На конкретных примерах показываются релевантные стилистические маркеры отдельных видов надиндивидуальных (этнокультурных, функционально-стилевых и медиальных), а также индивидуальных дискурсивных практик. Интерпретируются механизмы стилистической «макроорганизации» разных типов текстов, зависящие от дискурсивного пространства, в котором эти тексты производятся и воспринимаются, то есть от упорядоченной системы ментальных связей и поведенческих отношений внутри некоего национального и социально-культурного сообщества.

E. A. GONCHAROVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

DISCURSIVE PARAMETERS OF STYLE

Keywords: style, text, text type, discourse, discursive space, discursive practice, stylistic marker, functional style, written and oral speech varieties, individual style.

The article dwells on the parameters of style, causing the discursive nature of this phenomenon both in language and in speech. Illustrative examples are used to show the stylistic markers, relevant for certain kinds of both supra-individual (ethnocultural, functional style and medial), and individual discursive practices. The mechanisms of the stylistic “macro-organization” of various text types are interpreted as dependent on both the discursive space, in which these texts are generated, and the behavioral relations within a certain national and cultural space.

1. Методологические основания изучения дискурсивной природы стиля

Стиль открывает все новые свои стороны в качестве объекта научного изучения для современной лингвистики, развитие которой проходит в условиях новой интегральной парадигмы, предполагающей выходы за границы рассмотрения языка «в самом себе» и изучение его коррелятивных и релятивных отношений с человеком как потребителем языка в процессах когниции и коммуникации.

Представляя собой в самом общем виде способ совокупного вербального и невербального выражения некоего содержания, избираемый носителями/-ем языка при создании устных или письменных высказываний, стиль имеет ряд в чем-то схожих, а в чем-то отличающихся друг от друга определений, фиксируемых отечественными и зарубежными лингвистическими энциклопедическими изданиями [9, с., 494–495; 12, с. 507–513; 15, S. 651–652]. Сами авторы дефиниций поясняют, что невозможность однозначного определения понятия *стиль* обусловлена его многомерным характером и выдвиганием на передний план разных аспектов научного анализа этого феномена у отдельных исследователей. Тем не менее все определения стиля позволяют, на наш взгляд, выделить такие его стороны, которые можно считать концептуально-смысловым базисом концепта *стиль*.

Сущность этого базиса состоит в следующем. Стиль как таковой и стилевые элементы рождаются вследствие когнитивных и речевых действий по отбору, сочетанию, переосмыслению и преобразованию средств того или иного языка, а также иных семиотических кодов, которые совершает: либо 1) этнокультурное и социальное сообщество в определенный период своего существования; либо 2) некая общность носителей языка внутри этого сообщества, возникающая на базе повторяющихся и исторически закрепляемых в общественном сознании ситуаций речевого общения со сходными познавательными и /или коммуникативными интересами, целями и установками ее участников; либо 3) каждая отдельная языковая личность. В процессе и результате подобных когнитивных и речевых действий возникает некий (коллективный или индивидуальный) «модус формулирования», или стиль, свидетельствующий о характере взаимодействия с языком отдельных его пользователей, которые «приспосабливают» средства общенационального языка к конкретным ситуациям и целям своей познавательной, практической и коммуникативной деятельности [4; 3, с. 10–33]. Названные выше способы целенаправленного использования языковых средств человеком (из них два коллективных и один индивидуальный) можно назвать тремя главными уровнями речевой актуализации стиля.

Как видим, во всех своих концептуальных составляющих стиль насквозь функционален, так как он, во-первых, представляет собой способ выражения определенного когнитивного и коммуникатив-

но-прагматического содержания, соотносительный с другими способами выражения, которые служат для схожих целей речевого высказывания. Во-вторых, в основе этого способа выражения лежат когнитивные и речевые операции, совершаемые носителем/ями языка со знанием круга функциональных особенностей нужных ему/им языковых средств.

Далее, стиль — это абсолютно и безусловно антропоцентрическая категория, так как во внутренней форме терминологических словосочетаний «способ выражения» или «модус речевого формулирования» содержится прямое указание на человека как самостоятельную языковую личность и в то же время члена определенной этнокультурной социальной общности в функции потребителя языка. Будучи антропоцентрически обусловленной речезыковой категорией, стиль также и «субъектен», поскольку принадлежит к главным «сигналам» становления и развития человеческой личности — независимо от характера либо конформистского, либо творческого отношения речевого субъекта к языку и его стремления быть в своих речевых предпочтениях или похожим на других, или «не таким, как все».

И наконец, стиль принадлежит к ряду дискурсивных по своей сути явлений, так как отбор и комбинирование языковых средств диктуются потребностями создаваемого человеком высказывания (текста), которое, в свою очередь, соответствует условиям некоего «дискурса» как коммуникативного события, участвующего «во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137]. Именно стилистические элементы целостного текстового высказывания нередко становятся индикаторами определенного вида дискурса и его экстралингвистического фона (личностных и социальных характеристик участников коммуникации, их когнитивных и коммуникативно-прагматических установок и целей, характера отношения друг к другу и к ситуации общения и др.) [6, с. 19–24].

Покажем с помощью конкретных примеров появление маркеров стиля на всех трех выше названных уровнях его речевой актуализации и прокомментируем их функциональную, антропоцентрическую и дискурсивную природу.

2. Этно- и социально-культурная детерминация стиля

Изучение стиля на уровне дискурса (в аспекте стилистических коннотаций отдельных лексико-семантических единиц и стилистического модуса целостных текстовых высказываний) позволяет получить дополнительные сведения об особенностях надындивидуальной социально-речевой практики, обусловленных действием идеологических и культурно-исторических тенденций в определенный период развития национально-языкового сообщества.

Так, вся вторая половина XX века была отмечена, как известно, существованием на территории современной Германии двух государств с различным общественно-политическим строем: ФРГ и ГДР. Это стало причиной появления и дальнейшего обособления двух автономных *дискурсивных пространств* на базе общего национального языка. Под дискурсивным пространством в данном случае имеется в виду упорядоченная система ментальных связей и поведенческих отношений внутри некоего социально-культурного сообщества, определяющая особенности межакционального взаимодействия членов этого сообщества в разных видах их деятельности, включая и деятельность речевую. Дискурсивные пространства двух германских государств характеризовались существенными различиями не только в политических и житейских взглядах, но и в речевом поведении граждан, что позволило даже в свое время говорить о двух «разных немецких языках» (*die deutsche Sprache der DDR* и *die deutsche Sprache der BRD*).

Отличались дискурсивные пространства ГДР и ФРГ прежде всего наличием собственных социальных и политических реалий, а также ценностных представлений, языковая фиксация которых, как правило, получала стилистические коннотации не только в лексических номинациях соответствующих концептов, но и в композиционно-смысловой структуре определенных видов текстов.

Р. Райер, одна из авторов и издателей книги «*Von 'Buschzulage' und 'Ossinachweis'*», изданной в объединенной Германии в 1996 году и имеющей дискурсивно значимый подзаголовок «*Ost-West-Deutsch in der Diskussion*», приводит большое число подобных стилистически отмеченных словоупотреблений в двух разных социально-политических немецкоязычных дискурсах: «*Der Westdeutsche ging in den Supermarkt, erhielt dort einen Plastikbeutel, um sein soeben gekauftes Grillhähnchen zu verstauen. Wenn er in den*

Urlaub fuhr, benutzte er den *Flieger* und erfuhr an der Algarve, dass ein *Astronaut* erfolgreich in den Weltraum gestartet war. Der Ostdeutsche hingegen erledigte seine Einkäufe in der *Kaufhalle* und brachte sich seine *Plastetüte* selbst mit, um den *Broiler* nach Hause zu transportieren. Wenn er seinen Urlaub zwar nicht an der Algarve, sondern in Bulgarien oder am Balaton verbrachte, benutzte er das *Flugzeug* als Verkehrsmittel und erhielt dort eventuell die Nachricht, dass ein *Kosmonaut* die Erde umkreist» [17, S. 42] (здесь и далее выделено мной. — *E. Г.*).

Согласно наблюдениям другого известного немецкого лингвиста, П. Поленца, одни и те же лексические единицы вызывали в языковом сознании граждан ФРГ и ГДР разные ассоциации и получали в их речи разные стилистические коннотации («*andere Konnotationen, Voraussetzungen oder Implikationen*»). Автор называет среди подобных слов, например, такие как *planen, Markt, sanieren, Eigentum, privat, gesellschaftlich, sozial* и мн. др. [16].

Р. Райер отмечает также, среди прочего, несовпадающие в двух германских государствах нормы речевого построения таких общепотребительных типов текста, как «договор» (*Vertrag*), «аттестат» (*Zeugnis*), «торжественная речь» (*Festrede*). Кроме того, в дискурсивном пространстве ГДР бытовали не известные жителям ФРГ типы текстов «представление к награде, к повышению в должности» (с семантико-стилистической модификацией лексемы *Eingabe* в обозначении типа текста) или «дневник бригады» (*Brigadetagebuch*) [там же]. Сюда же мы можем отнести и такой, например, тип текста, как «(социалистическое) обязательство бригады» (*Brigadeverpflichtung*).

В качестве показательного материала для изучения дискурсивной природы стиля может послужить такой тип текста, как анекдот. Как известно, за каждым типом текста стоят, если воспользоваться словами Ю. С. Степанова, относящимися к дискурсу как таковому, «особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете — особый мир», в котором действуют «свои правила истинности, свой этикет» [11, с. 40]. Все это в совокупности создает «стилистический модус текста», который сигнализирует об особенностях транспозиции языковых единиц из системы языка в систему текста на основе производимых речевым субъектом операций по их отбору, комбинации и интеграции в единое текстовое целое, диктуемых целями познания и общения.

Анекдот как никакой другой тип текста впитывает в себя живые речевые формы, эксплицитные и имплицитные смыслы, характерные для той дискурсивной формации, или дискурсивного пространства, в котором он бытует. Поэтому ему свойственны на уровне и текстового целого, и отдельных его структурных компонентов разнообразные стилистические коннотации, в первую очередь эмоционально-оценочные, ассоциативно-стилистические и социально-стилистические. В разгадывании подобных коннотаций реципиентами с разным объемом «фоновых знаний» о дискурсивном пространстве, стоящим за анекдотом, и разным чувством юмора и заключается вся «соль» этого типа текста (ср. [3, с. 145–176]).

Проведенное нами в свое время исследование анекдотов на материале немецкого языка [7, с. 269–280] показало, что по формированию самого фонда анекдотов, по их тематике и персонажам ГДР была более близка к СССР того времени (несмотря на разные государственные языки и определенные различия в национальной ментальности), чем к ФРГ. Это объясняется близостью дискурсивных пространств ГДР и СССР, в основе которых лежал общий социалистический общественный строй с похожей системой социально-культурных, поведенческих и человеческих отношений. Для жителей обеих стран «смеховой антимир», создаваемый композиционно-стилистической текстовой формой анекдота, служил средством противостояния миру официальных догм социалистического государства (ср. [10, с. 8]). В этом смысле анекдот можно рассматривать как текстовый знак социальной и культурной идентификации граждан названных государств со специфическим стилистическим модусом формулирования, в меньшей степени зависимым от национальной и языковой границы, чем от дискурсивного пространства, в котором анекдот возникает.

Поясним наш тезис на примере следующего известного в свое время в ГДР анекдота:

Frage: Wie lange dauert es, bis man seinen Trabbi bekommt?

Antwort: 5 Tage — einen Tag für die Anmeldung, drei Parteitage und einen Tag für die Abholung [14, S. 12].

Текст имитирует композиционно популярную в анекдотах и ГДР и СССР форму устного диалога (ср. так называемые вопросы к «армянскому радио»), для понимания юмористической ситуации

которого требуется определенная коммуникативная и стилистическая компетентность. Слушатель должен знать как минимум, что слово *Trabbi*, отмеченное функционально-стилистической коннотацией *umgangssprachlich* («разговорный»), называет модель культового малолитражного автомобиля — символа неосуществленной «всеобщей моторизации» в ГДР; что словом *Parteitag* (варьированный повтор слова *Tag*) здесь обозначается партийный съезд конкретной правящей партии — СЕПГ, очередность которого составляла приблизительно 4 года.

Приведенный пример показывает, что лингвостилистическая интерпретация анекдота невозможна без учета действия «текстовой экспансии», которой подвержен этот тип текста, иными словами, без учета его принадлежности к определенному дискурсивному пространству. В этом пространстве действуют особые механизмы стилистической «макроорганизации» текстов, зависящие от состояния общественного сознания, общих социально-политических и культурно-исторических приоритетов, общих ценностей, норм речевого поведения и др.

3. Стиль как индикатор функционально-коммуникативного и медиального аспектов формулирования текста

Феномен стиля помогает углубить наши представления и о специфике дискурсивных практик, возникающих в разных функциональных сферах ментально-речевой деятельности и коммуникации внутри одного и того же национально-языкового сообщества (деловое общение, наука, массмедийная коммуникация, религия, неофициальное общение, литературно-художественное творчество и др.). Для подобных дискурсивных практик в стилистике существует традиционное терминологическое обозначение «функциональный стиль» (*Bereichsstil, Funktionalstil, der funktionale Stil*). В качестве основания для понимания функционального стиля как дискурсивной практики может послужить следующее высказывание известного немецкого стилиста В. Зандерса: «Da bestimmte Kommunikationssituationen sich häufig wiederholen und durch diese Rekurrenz auch in ihrem sprachlichen Ablauf historisch verfestigt sind, haben sich für spezielle Anwendungszwecke und -bereiche Stereotype, d. h. weitgehend automatisierte, entindividualisierte Sprachgebrauchsmuster herausgebildet, die infolge ihrer gesellschaftlichen Sanktionierung

einerseits obligatorisch, andererseits erwartbar werden. Solche thematisch, funktional und sozial bestimmten „Sprachhandlungsschemata“ bedingen eine entsprechende Auswahl und Kombination der Sprachmittel» [19, S. 102].

Согласно научным наблюдениям многочисленных отечественных и зарубежных лингвистов, функциональные стили как дискурсивные практики характеризуются не только тем, что они представляют собой некие, как пишет В. Зандерс, «общественно санкционированные» ментально-речевые стереотипы, или «схемы речевого поведения», соответствующие целям коммуникации и особенностям речевого общения. Они реализуются, как правило, определенными, регулярно используемыми в них совокупностями типов текстов, которые отличаются, в свою очередь, стилистически релевантными (для данной сферы речевого общения) признаками. Так, например, в сфере официально-делового общения интенсивно используются разные подвиды договора, деловое письмо, положение-инструкция; в научной коммуникации — такие виды текстов, как научная статья, научный доклад (отличающиеся от аналогичных видов текстов в журналистике), монография, диссертация, автореферат диссертации. Религиозное речевое общение протекает с помощью не употребляемых в иных коммуникативных сферах текстах молитвы, проповеди и др. (см. [3, с. 69–110]).

В основе самих типов текстов также лежат определенные, дискурсивно значимые нормы речевого формулирования. Представление о существовании этих норм позволяет лингвистам говорить о наличии «прототипов» — эталонов, которые существуют в языковом сознании каждого из авторов, намеревающегося создать текст, реализуясь в конкретных функционально-коммуникативных ситуациях с помощью избираемой речевым субъектом совокупности языковых и невербальных средств. При этом лингвостилистические элементы, которые принадлежат к структуре и семантике прототипа как «образцовой» текстовой системы, могут варьироваться речевым субъектом в разных комбинациях в зависимости от коммуникативно-речевой «жесткости», или каноничности, предъявляемой культурно-речевым сообществом к соответствующему функциональному стилю или типу текста, а также поведенческих, когнитивных и/или аффективных установок автора текста.

Поэтому научная интерпретация лингвостилистических признаков, как текстового прототипа, так и его конкретных коммуникативно-речевых актуализаций, невозможна без учета их «лучевой» дискурсивной направленности, определяемой целым комплексом коррелятивных и релятивных связей текста. На первом месте среди подобных связей стоит соотносительность целостного речевого высказывания с системой и структурой языка формулирования (в нашем случае немецкого), с функционально-коммуникативной сферой употребления (функциональным стилем), с ментально-речевым текстовым прототипом, с участниками коммуникативно-речевой ситуации (автором — субъектом речевого воздействия и читателем/слушателем — объектом речевого воздействия). Каждый из названных видов дискурсивных, по своей сути, связей может и должен углубляться и уточняться по отдельности и в их взаимообусловленности в процессе лингвостилистического анализа текста.

Так, например, при рассмотрении коррелятивно-релятивных проекций стиля на участников ситуации речевого общения важную роль приобретает сопутствующий анализ «социального статуса» адресанта и адресата текста, а также намеренного или неосознанного выражения автором речевого высказывания своей социальной и коммуникативной позиции в обществе и в момент речевого высказывания [8]. Последнее зависит, в свою очередь, от сферы коммуникации и от используемого типа текста (см. примеры):

(1) *Sehr geehrter Herr Winter,*

als Mitarbeiter Ihres Unternehmens gratulieren wir Ihnen herzlich zum 50. Geburtstag und danken Ihnen für die Einladung zum Betriebsfest!

Wir alle hoffen, dass Sie noch lange die Firma zu weiteren Erfolgen führen werden.

Hierzu alles Gute, Glück und Gesundheit!

Ihre ...

(2) „Alter schützt vor Torheit nicht!“

Lieber Franz,

ich hoffe, dass dieser Satz stimmt — auch für dich. Denn was wäre das

Leben ohne zeitweilige Unvernunft? Langeweile, nichts als Langweile! Der Reiz des Lebens besteht doch gerade darin, die ausgetretenen Pfade hin und wieder zu verlassen, dem Alltagstrott zu entfliehen und ganz Neues zu erleben. Dazu ist man nie zu alt. Auch mit 60 darf es keinen Stillstand geben.

Verstehe das Zitat also nicht als Warnung. Im Gegenteil: Ich wünsche dir zu deinem 60. Geburtstag den Mut zu vielen, vielen Torheiten!

Herzlichst

dein ... [13, S. 85–86]

Два приведенных выше текста относятся к текстотипу «поздравление с днем рождения»: первое — (полу-)официальное, второе — фамильярно-дружеское. Поздравления содержат ряд коммуникативно-прагматических установок (выражение расположения к адресату и пожелание ему блага) и лингвостилистических признаков (точное называние повода написания сообщения, сугубо положительный аффективно-оценочный тон предложений, персональные обращения к адресату, субъективно-модально акцентированное выражение семантики футуральности: *wir alle hoffen, noch lange, zu weiteren Erfolgen* в примере (1); *ich hoffe, ich wünsche dir* в примере (2), общих для этого типа текста.

В то же время модус формулирования в каждом из текстов имеет ряд специфических черт, что вызвано в первую очередь разным социальным статусом адресата и адресанта текстовой информации и характером их отношения друг к другу.

В примере (1) реализован «статусно-маркированный» вид комплексного речевого акта с социально-ролевым отношением адресанта и адресата: «глава фирмы — подчиненные» и «восходящим статусным вектором говорящего»; ср. [8, с. 119]. К лингвостилистическим элементам актуализации этого вида социально-ролевых отношений между автором и читателем относятся вежливо дистанцированное обращение *Sehr geehrter Herr Winter*, автономинация *Mitarbeiter Ihres Unternehmens*, предложение *Sie... die Firma zu weiteren Erfolgen führen werden*.

Текст примера (2) представляет собой «статусно-нейтральный» вид комплексного речевого акта [8] с объединяющим адресанта и адресата фамильярным отношением «друзья». Это отношение позволяет автору второго поздравления выбрать более непринуж-

денный способ речевого поведения со стилизацией текста в духе устного высказывания, построенного с помощью средств экспрессивного синтаксиса. К сигналам, указывающим на это отношение, принадлежат следующие стилистические элементы: риторические вопросы и восклицания; нарушение грамматической рамки предложения (*dieser Satz stimmt — auch für dich*); метафоры (*die ausgetretenen Pfade (des Lebens), Alltagstrott*); афоризм *Alter schützt vor Torheit nicht!* в сильной позиции начала текста, эмоционально усиленный в концовке текста с помощью лексических повторов (*Mut zu vielen, vielen Torheiten*) и др.

Ко второму аспекту дискурс-анализа стиля как надындивидуального модуса формулирования можно отнести и научную интерпретацию таких двух видов дискурсивной практики, как устная и письменная речь, представляющих собой две *медиально* зависимые системы реализации языка в ментально-речевой деятельности человека. Стиль и медиальная (устная или письменная) форма речевого высказывания входят в логическое отношение конъюнкции, так как стилистическая специфика высказывания (текста) всегда вытекает в том числе из устного или письменного способа передачи нужной информации [5, с. 14]. Важно и то, что обязательным экстралингвистическим фоном устного и письменного текста служит разная для обоих случаев прототипическая коммуникативная ситуация, которая связана с общей интенциональностью производимого высказывания и требует от членов языкового сообщества следования определенным моделям речевого поведения, если они заинтересованы в разрешении проблем когниции и коммуникации.

Так, человек, действующий в условиях деловой коммуникации, прибегает в первую очередь к письменно фиксируемому тексту, рассчитанному на более долгий срок существования, охват большей аудитории и более высокую степень легитимности, чем в случае устного высказывания (ср.: *Что написано пером — не вырубишь топором; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь* и др.). Это вытекает из основных целей официально-делового общения: регулирование общественных взаимоотношений (торговых, политических, дипломатических и др.), а также закрепление в сознании людей социально значимых событий и норм поведения (например, через тексты конституции, законов, государственных указов, приказов, общественных договоров и т. д.).

Для научной коммуникации «не спонтанное», подготовленное и обдуманное письменное текстовое высказывание является базовой формой речевой актуализации совместного «разумного размышления» (первоначальное значение латинского слова *discursus*) по поводу какой-то общей для автора и читателя темы. С его помощью научное сообщество осуществляет разветвленный, ретро- и проспективно направленный диалог-анализ идей и мнений, протяженный во времени и допускающий разное число и разный контингент участников, обладающих, однако, необходимой предметной компетентностью.

Главная дискурсивная особенность модуса формулирования в устном речевом высказывании состоит в спонтанности его порождения и в необходимости непосредственного, параллельного (визуального или слухового) контакта речевого субъекта с партнером по коммуникации. От речевой активности последнего во многом зависят выбор и комбинирование лингвостилистических элементов в устном высказывании инициатора диалога, его коммуникативно-прагматическая динамика и завершение. Будучи ограничен возможностями кратковременной памяти, слушатель не способен мгновенно воспринять и дискурсивно «обработать» значительный объем устно передаваемой информации. Но коммуникативно-прагматическая роль «со-беседователя», «со-участника» устного диалога позволяет ему в режиме минимального временного разрыва дискурса уточнять отдельные аспекты реплик другого с помощью междометий, переспросов, аффективных уточнений, за счет чего и «разрыхляется» синтаксическая структура устного высказывания как такового, и возрастает функциональная роль отдельной синтагмы в качестве прагматического фокуса текста. Э.Г.Ризель и Е.И.Шендельс называли подобное лингвостилистическое явление термином «Lockerung, Auflockerung der Struktur» [18, S. 142].

4. Дискурсивные параметры индивидуального стиля

Понятие *индивидуальный стиль* характеризует сложные корреляции между языковой личностью и текстом и, далее, дискурсом. Любой текст дуален по своей природе. С одной стороны, он представляет собой (универсальный) инструмент, позволяющий любому человеку на основе знания и использования языка принимать

участие в процессах когниции и коммуникации. С другой — текст является актуализацией индивидуального комплексного ментально-речевого действия конкретной языковой личности с соответствующим объемом языкового знания и стилистической палитры выражения. Иначе говоря, текст как антропоцентрическая система сочетает в себе черты общего / «объективного» и частного / «субъективного».

От характера взаимодействия этих двух сторон текста зависит «определенность» выражения в тексте индивидуального стиля, изучение которого невозможно без обращения к понятию *коммуникативное пространство* (языковой личности). Под «коммуникативным пространством» мы, вслед за Б. М. Гаспаровым, в самом широком смысле понимаем «мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности» [2, с. 295–296]. Понятие *коммуникативное пространство* тесно смыкается с понятием «дискурсивное пространство» (текста). Оно позволяет лингвисту-интерпретатору выйти за пределы знаковой фиксации текста, имеющей начало и конец, и рассматривать целостное речевое высказывание «в событийном аспекте», или «погруженным в жизнь» (Цит. по: [1, с.136–137]), иными словами, в его «дискурсивной открытости».

Коммуникативное пространство каждой языковой личности зависит прежде всего от ее «социального статуса», от того круга (неречевых и речевых) действий, которые она совершает наиболее часто, а также от объема и характера возникающих при этом контактов. Например, круг действий и приоритетных межперсональных отношений бизнесмена отличается от деятельности и видов социальных связей ученого и / или преподавателя, а формы проявления коммуникативной активности и тех и других иные, чем у политика или журналиста.

Коммуникативно-речевые действия, в свою очередь, производятся на основе тех совокупностей типов текстов, с помощью которых языковая личность удовлетворяет свои когнитивные потребности, интересы самореализации и общения с другими. Так, для духовно богатого человека, обладающего фантазией и творческими способностями к креативному использованию языка, главной формой познания мира и себя в «мире других» становится художественный текст, где этот мир приобретает черты

нереального рационально-чувственного образа. Индивидуальный стиль «художника слова» — как оставляемый в виде текста след его коммуникативно-речевой самореализации в специфическом когнитивном и коммуникативном пространстве — не может не отличаться от речевого стиля человека, не использующего язык в поэтической функции.

Но и языковая личность, укореняющая продукт своей языковой деятельности в «реальной», а не в художественно преобразованной коммуникации, реализует свое право на активное отношение к языку. Она тоже имеет свой собственный индивидуальный стиль, проявляющийся, среди прочего, в постоянном повторении любимых слов и грамматических конструкций в текстах, которые речевой субъект производит в разное время и с разной целью; в «нарушении» композиционно-архитектонических норм конвенционального типа текста; в использовании «альтернативных» слов, окказионализмов и грамматических форм и т. д. Появление подобных речевых сигналов свидетельствует о том, что индивидуальный модус формулирования, как и текст, на уровне которого он получает свои очертания, дискурсивно открыт. Он проецируется на определенные экстралингвистические факторы, связанные с особенностями протекания речевого общения (ситуацию, социальные и коммуникативные роли участников, характер их отношения к предмету коммуникации и друг к другу), на «формы жизни», реализуемые с помощью текстов, а также на ментальное и коммуникативное пространство погруженного в эти «формы жизни» активного субъекта.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
3. Гончарова, Е. А. Theorie und Praxis der Stilanalyse. М.: Академия, 2010. 352 с.
4. Гончарова, Е. А. Стиль как антропоцентрическая категория // Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. Studia Linguistica. 8. СПб.: Тригон, 1999. С. 146–154.
5. Гончарова, Е. А. Медиальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики // СТИЛ. Вып. 7. Белград, 2008. С. 11–20.

6. Гончарова, Е. А. Стиль как выражение релятивных и коррелятивных отношений в тексте // Вопросы филологии. №1 (53). М.: Изд-во ИИЯ; ИЯ РАН; РАЛН, 2016. С. 19–24.

7. Гончарова, Е. А., Кесслер, К. Опыт дискурсивного анализа текста «анекдот» (на материале его использования как формы коммуникативного взаимодействия в ГДР и СССР) // *Studia linguistica*. XXII. Язык, текст, дискурс. Современные аспекты исследований. СПб.: Тригон, 2013. С. 269–280.

8. Карасик, В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

10. Седов, К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт, 1998. 64 с.

11. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Наука, 1995. С. 33–71.

12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 695 с.

13. Briefe gut und richtig schreiben! Mannheim: Dudenverlag, 2002. 862 S.

14. Die besten Witze aus der DDR. Wien: Verlag Carl Ueberreuter, 2010. 168 S.

15. Lexikon der Sprachwissenschaft / Hrsg. H. Bußmann. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2002. 783 S.

16. Polenz, P. von. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989. Ein Forschungsbericht nach drei Jahren vereinter germanistischer Linguistik // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 1993. H. 3. S. 127–149.

17. Reiher, R. Ein Ossi — ein Wort; ein Wessi — ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West // Von Buschzulage und „Ossinachweis“. Ost-West-Deutsch in der Diskussion / Hrsg. von R. Reiher und R. Läzer. Berlin: Taschenbuch Verlag, 1996. S. 32–54.

18. Riesel, E. G., Schendels E. I. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

19. Sanders, W. Linguistische Stilistik: Grundzüge der Stilanalyse sprachlicher Kommunikation. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 201 S.

References

1. Arutyunova, N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskij encyklopedicheskij slovar*. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1990, pp. 136–137. (In Russian)

2. Gasparov, B. M. *Iazyk. Pamiat'. Obraz: Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia* [Language. Memory. Image: Linguistics existence]. Moscow, Novoe literaturnoe Obozrenie, 1996. 348 p. (In Russian)

3. Goncharova, E. A. *Theorie und Praxis der Stilanalyse*. Moscow, Akademiya, 2010. 352 p. (In Russian)

4. Goncharova, E. A. Stil' kak antropotsentricheskaja kategorija [Style as an anthropocentric category]. *Slovo, predlozhenie i tekst kak interpretiruyushchie sistemy* [Word, sentence and text as interpreting systems]. *Studia Linguistica* 8. St. Petersburg, Trigon Publ., 1999, pp. 146–154. (In Russian)
5. Goncharova, E. A. Medial'nyi aspekt modusa formulirovaniia teksta kak problema stilistiki [The medial aspect of the mode of text formulation as a problem of style]. *STIL*, iss. 7. Belgrad, 2008, pp. 11–20. (In Russian)
6. Goncharova, E. A. Stil' kak vyrazhenie relatiivnykh i korreliativnykh otnoshenii v tekste [Style as an expression of relative and correlative relationships in the text]. *Voprosy filologii*, no. 1 (53). Moscow, Izd-vo IIIa; IIa RAN; RALN, 2016, pp. 19–24. (In Russian)
7. Goncharova, E. A., Kessler, K. Opyt diskursivnogo analiza teksta «anekdot» (na materiale ego ispol'zovaniia kak formy kommunikativnogo vzaimodeistviia v GDR i SSSR) [Experience discursive analysis of the text “anecdote” (on the basis of its use as a form of communicative interaction in the GDR and the Soviet Union)]. *Studia linguistica XXII. Iazyk, tekst, diskurs. Sovremennye aspekty issledovaniia*. St. Petersburg, Trigon Publ., 2013, pp. 269–280. (In Russian)
8. Karasik, V. I. *Iazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p. (In Russian)
9. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russian)
10. Sedov, K. F. *Osnovy psikholingvistiki v anekdotakh* [Fundamentals of psycholinguistics in jokes]. Moscow, Labirint, 1998. 64 p. (In Russian)
11. Stepanov, Iu. S. Al'ternativnyi mir. Diskurs. Fakt i printsip prichinnosti [Alternative world. Discourse. The fact and the principle of causality]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 33–71. (In Russian)
12. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 695 p. (In Russian)
13. *Briefe gut und richtig schreiben!* Mannheim, Dudenverlag, 2002. 862 S.
14. *Die besten Witze aus der DDR*. Wien, Verlag Carl Ueberreuter, 2010. 168 S.
15. *Lexikon der Sprachwissenschaft* / Hrsg. H. Bußmann. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2002. 783 S.
16. Polenz, P. von. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989. Ein Forschungsbericht nach drei Jahren vereinter germanistischer Linguistik. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 1993, H. 3, S. 127–149.
17. Reiher, R. Ein Ossi — ein Wort; ein Wessi — ein Wörterbuch. Zur Bewertung von Sprache und Sprachverhalten der Deutschen Ost und West. *Von Buschzulage und „Ossinachweis“: Ost-West-Deutsch in der Diskussion* / Hrsg. von R. Reiher, R. Läger. Berlin Taschenbuch Verlag, 1996. S. 32–54.
18. Riesel, E. G., Schendels E. I. *Deutsche Stilistik*. Moscow, Verlag Hochschule, 1975. 316 S.

19. Sanders, W. *Linguistische Stilistik: Grundzüge der Stilanalyse sprachlichen Kommunikation*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 201 S.

Гончарова Евгения Александровна

профессор кафедры немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Goncharova Evgeniia Aleksandrovna

Professor of German Philology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia;
Doctor of Philological Sciences,
Address: 48, Moyka river emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

E-mail: eagon@rambler.ru